

``
`Уездный ямынь Пинцина\*\*\*`

Стражник в красно-черном форменном облачении торопливо вбежал в покои. На его лице читалась крайняя тревога. Завидев уездного судью Фан Пина, он взволнованно выпалил:

— Господин! Торговцы из Шаоюаня все распродали и покинули город!

Фан Пин мгновенно переменялся в лице и резко спросил:

— Говори яснее. Все до последнего? И кто же покупатель?

«Этот мерзавец Цзян Умянь переходит все границы! В прошлый раз я отказался покупать его плуги прямо у него под носом, но как он посмел явиться сегодня и устроить распродажу у самых наших ворот?! Неужели он держит весь Пинцин за пустое место?!»

Служка, парень смысленый, поспешил выложить все, что успел разузнать у ворот:

— Ваш покорный слуга лично осмотрел место. Там на поле остались борозды, и знающие люди в один голос твердят — землю пахали теми самыми плугами для заливных полей!

Он запнулся и, понизив голос, робко добавил:

— А купил их... местный клан Ху. Управляющий Ху лично приехал и забрал все до последнего плуга.

Отношения между уездным судьей Фан Пином и семейством Ху всегда оставались прохладными. Однако старшая ветвь этого клана имела влиятельного заступника — столичного помощника министра, чьим покровительством очень дорожил сам уездный судья. Из-за этого даже Фан Пину, главе уезда, приходилось уступать им ради сохранения видимого согласия.

Но ведь Лу Юй ясно дал понять, что сделка с Шаоюанем не состоялась! А теперь клан Ху забирает весь товар подчистую. Это был сокрушительный щелчок по носу уездного судьи.

«Ничтожества из клана Ху!»

Постепенно искажившаяся от злобы гримаса на лице Фан Пина разгладилась, вернув ему прежнее холодное спокойствие. Стражник, уткнувшись взглядом в половицы, боялся даже вздохнуть.

В ямыне все знали: благообразный и справедливый с виду Фан Пин на деле был человеком безжалостным и мстительным. И если его лицо вдруг становилось безмятежным, это означало лишь одно — кто-то очень скоро расстанется с жизнью, даже не успев понять, за что.

— Передай весть регистратору Ян Линю, — негромко приказал Фан Пин. — Пусть заманит Цзян Умяня в...

Пока уездный судья Пинцина содрогался от ярости и строил коварные планы, Цзян Умянь даже не догадывался о грозящих ему кознях. Его мысли занимало куда более радостное событие — в уезд наконец-то прибыл нужный специалист!

Советник Линь Шоуюань, отправившийся навестить старого друга, вернулся с самым настоящим единомышленником — собратом по учению.

Они вдвоем спустились на лодке к югу. Едва причалив к пристани, они заметили генерала Сюэ Вэня, который направлялся к островам для осмотра местности под будущие гарнизоны. Узнав, что в уезде обнаружили богатое месторождение, советник Линь поспешил увлечь своего гостя в сторону Шаоюаня.

Вернувшись, Линь Шоуюань поразился тому, в каком образцовом порядке содержались окрестности города. Военный лагерь перенесли на несколько ли дальше, а на прежнем месте из земли торчали деревянные колышки, обозначающие границы будущей стройки.

Вдоль дороги то и дело встречались люди, прилежно утрамбовывавшие землю. Ряды палаток и временных деревянных бараков в самом лагере теперь стояли ровно, выстроенные по одной линии, и между ними тоже белели свежие деревянные метки.

Шедший рядом с ним старик невзрачного, почти нищенского вида что-то негромко бормотал под нос. Одетый в полинялое темно-синее платье с желтоватыми заплатами, со старым топором за поясом, он походил скорее на простого дровосека, спустившегося с гор. И все же, шагая по лагерю, он то понимающе кивал, то неодобрительно качал головой, точно оценивал работу мастеров.

Советник Линь негромко заметил:

— Должно быть, господин задумал провести здесь водосток.

Он уже видел чертежи уездного судьи и знал, что колышками отмечены места будущих дренажных канав.

— Водосток? Чтобы спастись от ливней? — вмешался старый дровосек. — В Линнани с водой

сладить непросто. В сезон дождей здесь такая слякоть, что дороги превращаются в реки — хоть руками рыбу лови. А как налетит буря, так и дождь, и рыба летят вперемешку. Куда тут воду отводить? Бесполезное дело.

Советник Линь, еще не успевший толком познать капризы южной погоды, удивленно нахмурился:

— Неужели все настолько грозно? В уездных хрониках поминалось, что здешние края знают ярость бурь и нескончаемые потоки, но я и представить не мог, что стихия беснуется с такой силой.

«Клан Хань действительно изощрился, — с горечью подумал Линь Шоуюань, — выбирая для нашего господина это гиблое место!»

Старик погладил жидкую бородку и уже открыл было рот, чтобы ответить, но они как раз подошли к воротам уездного ямыня.

Советник Линь распорядился подать чаю и предложил спутнику отведать шаоюаньского травяного отвара:

— Прошу вас, отведайте.

Войдя в боковую залу, Цзян Умянь сразу обратил внимание на гостя. Старик сидел в полинялом платье, из обтрепанных рукавов и подола которого сиротливо торчали нитки. Седые, всклокоченные волосы топорщились в разные стороны, придавая ему дряхлый вид, однако стоило ему поднять веки, как в глаза бросился живой, необычайно пронизательный взгляд.

Он походил на сошедшего со старинных свитков бессмертного мудреца, скрывающего свой истинный облик под личиной нищего.

Хотя советник Линь привел лишь одного человека, что не совсем сходило с его прежними обещаниями, Цзян Умянь не выказал разочарования. В его положении даже один толковый мастер был на вес золота — Шаоюань задыхался без грамотных людей.

Подойдя ближе, Цзян Умянь вежливо поприветствовал прибывших:

— Трудная, должно быть, выдалась дорога. Советник Линь, как мне величать почтенного даоса?

Линь Шоуюань поспешил представить гостя:

— Позвольте отрекомендовать, господин. Это почтенный Цзинь Бухуань, мой даосский собрат. С десяти лет он постигал таинство огня в алхимических покоях, в двенадцать — преуспел в выплавке первой пилюли. С тех пор он без остатка посвятил себя изучению путей металла и пламени, достигнув в этом искусстве невероятных высот.

При этих словах Цзинь Бухуань расправил плечи. Лицо его озарилось снисходительной улыбкой, являя миру величие истинного мастера. В душе же он отчаянно жаждал, чтобы Линь Шоуюань добавил еще пару весомых подробностей — например, упомянул его новый способ получения жидкого серебра, секрет очистки ртути или чертежи усовершенствованных перегонных кубов. Разве можно было описать все его труды банальным словом «достижения»?

Цзян Умянь слушал эти речи с некоторой долей скепсиса. Для него подобные «высокие мастера» были прежде всего бездонными бочками для казенного серебра. Все эти туманные рассуждения об искусстве блекли перед реальными тратами на дорогие реактивы и редкие металлы. Впрочем, Шаоюань был богат сопутствующими рудами, так что сырьё бы хватило. Однако, прежде чем доверять даосу дело, следовало проверить его знания на практике.

Цзян Умянь велел слугам проводить гостя в купальню, чтобы тот мог привести себя в порядок с дороги, а сам остался наедине с советником Линем.

— Столкнулись ли вы с какими-то трудностями в пути? — прямо спросил он.

Хотя Линь Шоуюань изо всех сил старался казаться невозмутимым, от пронизательного взгляда уездного судьи это не укрылось. По едва заметным признакам Цзян Умянь понял, что поездка оказалась далеко не такой гладкой, как описывал советник перед отъездом.

Осознав, что притворяться бессмысленно, Линь Шоуюань вздохнул, и его лицо мгновенно осунулось:

— Все течет, все меняется, господин... Чужая душа — потемки. Но в Цзинь Бухуане вы можете быть уверены так же, как во мне. Он остался прежним. В своей обители он подвергся нападкам со стороны завистливых собратьев и лишился пристанища. Он как раз собирался держать путь на север, чтобы отыскать меня, когда мы случайно повстречались. Вот я и привез его сюда.

В зрелые годы люди уже не принимают такие удары близко к сердцу, но сама переменчивость человеческой судьбы нет-нет да и заставит сокрушенно покачать головой.

Цзян Умянь с пониманием кивнул. Он повидал слишком много подобных историй, чтобы удивляться коварству людской натуры. Чужие помыслы скрыты от наших глаз, и обрести в этой жизни хотя бы одного преданного друга — уже величайшее благословение.

Цзинь Бухуань тщательно вымылся, переоделся и сытно поужинал. Только после этого они устроились в кабинете для обстоятельного разговора.

— Прошу вас, даос Цзинь, — приветливо произнес Цзян Умянь, делая знак слугам подать свежий чай, сладости и сочные фрукты.

Даос сбросил свое потрепанное рубище дровосека и теперь щеголял в новом, с иголки, платье, одолженном из запасов советника Линя.

При виде этого зрелища Цзян Умянь мысленно сделал себе пометку: в будущем, когда в уезд начнут прибывать новые мастера по его программе привлечения талантов, нужно заранее пошить одежду разных размеров. Негоже всякий раз потрошить сундуки собственных советников.

Покончив с обязательными любезностями, Цзян Умянь без лишних предисловий перешел к делу. Как бы горячо ни ручался за друга Линь Шоуюань, гостя следовало подвергнуть строгому испытанию, чтобы понять истинную меру его познаний.

—... И ежели поступить таким образом, выход чистой ртути увеличится без малого на десятую долю, — убеждал Цзинь Бухуань.

Ради того, чтобы получить это место, он, скрепя сердце, раскрыл один из своих главных профессиональных секретов.

Цзян Умянь удовлетворенно кивнул. Он велел принести образцы различных руд и принялся расспрашивать даоса о методах их распознавания, свойствах и способах очистки. Цзинь Бухуань отвечал без малейшей запинки. Некоторые из названных им признаков не встречались ни в одном известном Цзян Умяню трактате — очевидно, это были плоды его собственных многолетних опытов.

Уездный судья погрузился в раздумья. Видя, с каким благоговением и страстью этот человек относится к тайнствам алхимии, он сомневался: не оскорбит ли даоса предложение заняться столь приземленными вещами, как создание простого цемента и обжиг красного кирпича?

Заметив колебания на лице собеседника, Цзинь Бухуань поспешил развеять его сомнения:

— Господин Цзян, еще до нашего прибытия советник Линь поведал мне, что вы обладаете глубочайшим пониманием сути вещей и искушены в законах превращения материи, однако государственные заботы не оставляют вам времени для опытов. Потому вам и понадобился толковый помощник. Мне также известно: если я буду исправно исполнять ваши поручения, вы не станете препятствовать моим личным изысканиям в свободные часы.

Цзян Умянь лишь мысленно развел руками. Что же такое наплел ему Линь Шоуюань, раз даос так рвется в бой?

Откуда ему было знать, что советник Линь не прибегал ни к какому красноречию. Он лишь

мимоходом обронил, что уездный судья Шаоюаня нимало не стеснен в средствах, но остро нуждается в умелых руках. Мастерам здесь платят щедро, а за прилежную службу могут и собственным жильем наделить. Для Цзинь Бухуаня, страдавшего без гроша в кармане и собственной лаборатории, этого оказалось более чем достаточно.

Разгладив нахмуренные брови, Цзян Умянь произнес:

— Что ж, раз мы поняли друг друга, у меня действительно есть для вас важное поручение. Как только добьетесь нужного результата, уездная казна выплатит вам щедрое вознаграждение.

Глаза даоса вспыхнули лихорадочным блеском. Цзян Умянь невольно умолк, застигнутый врасплох этим зрелищем. Неужто перед ним сидел искатель наживы, готовый трудиться исключительно ради звонкой монеты?

Он призвал трех других советников и поочередно представил их гостю:

— Это советник Цзян Цю. Он заведует всеми расходами ямыня. Вам надлежит подавать ему списки необходимых для опытов материалов и приборов. Если смета окажется разумной, советник Цзян утвердит ее без промедления.

Цзинь Бухуань мгновенно подобрался, устремив на Цзян Цю оценивающий взгляд.

«Вот он, тот самый человек, которого придется умасливать и водить за нос! Удастся ли выбивать из него редкие снадобья и дорогие металлы, зависит теперь лишь от моей изворотливости»

Советник Цзян, однако, подготовил для новоприбывшего своеобразный «подарок». Вежливо поклонившись, он протянул ему стопку бумаг:

— Мое почтение, даос Цзинь. Впредь все ваши прошения о выделении средств должны подаваться строго по этой форме.

Это были бланки проектной отчетности — точно такие же, какие Цзян Умянь заставил заполнять советника Чжао Чэна при строительстве уездных зернохранилищ.

«Ах ты, пройдоха Линь Шоуюань! — лицо Цзинь Бухуаня мгновенно скисло, стоило ему бросить взгляд на эти бесконечные графы и таблицы. — О расходах и жалованье расписал во всех красках, а про эту чиновничью кабалу промолчал!»

Цзян Умянь тем временем продолжил:

— Советник Чжао Чэн. Ежели ваши алхимические приборы придут в негодность, а лавочники

на улицах не смогут предложить замену, обращайтесь к нему — он мастер на все руки и подсобит с ремонтом. А это советник Чжан Жун, он ведает кадровыми делами уезда. Понадобятся помощники или прислужники — дайте ему знать, он подберет толковых ребят.

Несмотря на бумажную волокиту, на душе у Цзинь Бухуаня потеплело. Раз уездный судья так обстоятельно знакомит его со своими доверенными лицами, значит, его положение здесь прочно и надежно.

Рано утром следующего дня Цзян Умянь повез даоса за город, чтобы показать ему подготовленное место для опытов. Уединенная усадьба располагалась у самого подножия горы, вдали от жилых кварталов, но прямо через ее двор протекал рукав реки Байюэ, что решало любые трудности с водой.

Помня о взрывном характере алхимических изысканий, Цзян Умянь распорядился вырубить вокруг строений широкую полосу леса для защиты от пожаров. Каждые десять шагов стояли доверху наполненные бочки с водой, а рядом высились кучи сухого песка и земли. Меры предосторожности были безупречными.

Цзян Умянь провел гостя внутрь просторной лаборатории. Комнаты пока пустовали — ни столов, ни стульев, не говоря уже о сложных перегонных приборах.

— Составьте подробный список всего необходимого и передайте советнику Цзяну, — сказал Цзян Умянь. — Горнила, реторты, медные чаны и даже молитвенные циновки — все это уездный ямынь приобретет за свой счет. Полагаю, не пройдет и месяца, как вы получите все требуемое.

Затем они вышли во внутренний двор.

— Жилые покои обустроены здесь. Ежели для вашего удобства понадобится какая-то утварь, смело вносите в смету.

Обрисовав даосу условия работы, Цзян Умянь перешел к излюбленному приему любого дальновидного нанимателя — обещаниям блестящего будущего:

— Помимо прочего, ваше базовое жалованье составит пять ланов серебра в месяц. К праздникам полагаются особые подношения из уездной казны. Если же плоды ваших трудов найдут широкое применение в народе, вам будет причитаться доля от их продажи.

С каждым словом решимость Цзинь Бухуаня осесть в этих краях крепла. А уж когда ему растолковали суть этой доли от продажи, даос проникся к уездному судье таким благоговением, что готов был расшибиться в лепешку ради его блага.

«И впрямь, сребролюбец», — мысленно усмехнулся Цзян Умянь.

Одарив работника щедрыми посулами, Цзян Умянь, как и подобает расчетливому хозяину, сразу перешел к требованиям:

— По дороге сюда вы наверняка обратили внимание на наши тракты и городские стены. Про разбитые грунтовки я и вовсе молчу, но даже защитные укрепления у нас обмазаны простой глиной, хотя по всем правилам их надлежит покрывать прочным известковым раствором.

Обычно для этого использовали смесь извести, песка и глины, замешанную на густом отваре клейкого риса. Этот состав славился своей прочностью, однако в Шаоюане им укрепили разве что стены отремонтированной подземной темницы, пожалев тратить ценный рис на городские стены.

Приготовление такого раствора требовало непомерных человеческих усилий, времени и колоссальных затрат. Даже государственная казна Великой Чжоу не могла позволить себе покрывать им каждую крепость. За долгие годы своего правления император Цзяньюань велел тщательно оштукатурить лишь стены столицы и Запретного города, а все остальное сырье уходило на ключевые пограничные заставы.

Цзян Умянь подсчитал стоимость закупки риса и извести и пришел к выводу, что куда выгоднее вложиться в создание простого цемента. В долгосрочной перспективе это не только сэкономило бы средства, но и позволило бы уезду неплохо заработать на продаже строительного материала соседям.

— В этом месяце обустраивайтесь на новом месте, — подытожил Цзян Умянь. — Подъемные и первое жалованье вам выплатят в ближайшие дни. Когда в следующем месяце доставят все инструменты, вы приступите к делу. Я рассчитываю на вас.

Он изложил даосу общую идею и предполагаемый состав смеси, предоставив тому самому подбирать точные пропорции и экспериментировать с добавками.

Сбросив с плеч еще одну заботу, Цзян Умянь вздохнул с облегчением. Он уже собирался покинуть усадьбу и вернуться в ямынь, когда у входа его перехватили уездный вице-судья Чжоу Цюань и регистратор Ян Линь, у которых сегодня по счастливой случайности выдался выходной.

Убрав чертежи и планы в ларец, уездный судья пригласил их войти.